

Николай Алексеевич Некрасовъ.

I.

Николай Алексеевичъ Некрасовъ принадлежитъ къ числу самыхъ известныхъ русскихъ писателей. Писалъ онъ очень много и если бы собрать все имъ написанное, то составилось бы не меньше десятка книгъ весьма большого размера, но самъ Некрасовъ считалъ, что многія его сочиненія ему не удалось и потому не заботился собирать и сохранять ихъ. Такъ писать рассказы и статейки, какъ писалъ Некрасовъ, могутъ многіе, а такъ слагать звучныя песни, какъ онъ слагалъ ихъ, доступно лишь редкимъ избранникамъ, наделеннымъ отъ Бога особымъ даромъ.

Николай Алексеевичъ Некрасовъ родился въ 1821 году, 22 ноября. Онъ происходилъ изъ дворянскаго рода, который когда-то былъ богатъ, но въ последствіи обеднелъ. Отецъ Николая Алексеевича, Алексей Сергеевичъ, служилъ въ арміи. Исполняя обязанности адъютанта, онъ, по долгу службы, постоянно находился въ разъездахъ. Во время своихъ странствованій, Алексей Сергеевичъ познакомился съ семьею польскаго помещика Закревскаго. Молодому офицеру понравилась старшая дочь Закревскаго и, несмотря на противодействіе ея родителей, не хотевшихъ, что-бы она выходила замужъ за русскаго, онъ женился на ней.

Вскоре после женитьбы Алексей Сергеевичъ покинулъ службу, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ родовомъ именіи, сельце Греншеве, ярославской губерніи и уезда.

Николай Алексеевичъ, будущій знаменитый поэтъ, родился еще во время походной жизни отца, где-то въ подольской губерніи, но детскіе годы его протекали уже въ Грешневе.

Когда настала пора учить мальчика, къ нему пригласили изъ Ярославля семинариста, который и подготовилъ Николая Алексеевича къ поступленію въ ярославскую гимназію.

Отецъ Некрасова былъ человекъ суроваго, даже крутого нрава. Его все боялись, боялся и будущій поэтъ. Наоборотъ, мать отличалась крайнею добротою, была очень ласкова съ детьми и Николай Алексеевичъ ее любилъ всеми силами души. Любовь къ матери не ослабевала въ немъ въ теченіи всей жизни. Онъ благоговейно чтить ея память и это глубокое, возвышенное чувство къ матери составляетъ самую привлекательную сторону характера Николая Алексеевича.

Поступивъ въ ярославскую гимназію, одиннадцатилетній Некрасовъ почувствовалъ себя на свободѣ. Тутъ не было и помина о строгостяхъ, къ которымъ онъ привыкъ въ доме отца. Мало по малу Некрасовъ сталъ баловаться, ученіе его шло довольно плохо и, пробывъ въ гимназіи шесть летъ, онъ долженъ былъ ее покинуть.

Тогда отецъ решилъ, что следуетъ отправить юношу въ Петербургъ и отдать въ дворянскій полкъ (нынешній кадетскій корпусъ), откуда онъ выйдетъ офицеромъ и будетъ служить царю и отечеству, какъ служили его предки.

Однако, дело произошло иначе. Приехавъ въ Петербургъ, Некрасовъ случайно встретился съ однимъ своимъ гимназическимъ товарищемъ, который былъ уже въ университете. Товарищъ сталъ убеждать Николая Алексеевича бросить мысль о военной службѣ и поступить въ университетъ. Въ конце концовъ Некрасовъ его послушался и началъ готовиться къ университетскому экзамену.

Отецъ, узнавъ о самовольномъ решеніи сына, пришелъ въ большой гневъ и объявилъ, что не будетъ давать ему ни копейки и не станетъ заботиться о немъ, если онъ не исполнитъ его воли, т. е. не определится въ военное учебное заведеніе.

Не смотря на угрозу, Некрасовъ не подчинился требованію отца и сделалъ попытку поступить въ университетъ. Попытка вышла неудачной. Экзамена Николай Алексеевичъ не выдержалъ и потому ему пришлось записаться вольнослушателемъ, т. е. въ число лицъ, которыя хотя и допускаются въ университетъ для изученія преподаваемыхъ тамъ наукъ, но не пользуются теми правами, которыми пользуются студенты, выдержавшіе экзамень.

Между темъ, лишившись помощи со стороны отца, Некрасовъ терпелъ большую нужду. Случалось такъ, что ему и есть было нечего, и пріютиться негде.

Въ такомъ тяжеломъ положеніи Николай Алексеевичъ, не могъ пренебрегать никакой работой, лишь-бы она давала средства къ существованію. Его литературныя способности въ то время уже начали обнаруживаться и понятно, что онъ охотно бралъ работу по этой части, предлагаемую ему издателями книгъ и журналовъ.

Трудиться Николай Алексеевичъ умелъ, умелъ и съ деньгами обращаться. Пробившись тяжелымъ трудомъ несколько летъ, покинувъ университетъ (где ужъ тутъ было думать объ экзаменахъ, объ усиленныхъ занятіяхъ!) онъ мало по малу сталъ высвобождаться изъ тисковъ нужды. Къ этому времени относится его знакомство съ тогдашними известными писателями, съумевшими оценить природное дарованіе молодого поэта и помогшими ему выйти на широкую дорогу.

Не легко достался Некрасову первый успехъ, за то начавъ преуспевать, онъ преуспевалъ до конца жизни. Его стихотворенія доставили ему громкую известность, а изданіе журналовъ, которое онъ предпринималъ съ большимъ уменьемъ, обогатило его.

Однако годы лишеній оставили неизгладимый следъ на здоровье поэта. Въ 1875 году обнаружилия ясные признаки того недуга, который свелъ Некрасова въ могилу. Ни леченіе заграницей, ни усилія лучшихъ докторовъ - ничто не помогло, и 27 декабря 1877 года, на пятьдесятъ седьмомъ году жизни, Николай Алексеевичъ скончался после многихъ месяцевъ ужасныхъ страданій.

II.

О людяхъ, щедро одаренныхъ природой и съумевшихъ воспользоваться этими дарами для завоеванія себе славы и виднаго положенія, обыкновенно судятъ вкривь и вкось, и трудно разобратъся, сколько въ людскихъ толкахъ правды и сколько лжи. Зависть къ чужому успеху делаетъ людей злыми и мстительными. Они ни надъ чемъ не задумываются, лишь-бы унижить человека, поднявшагося выше ихъ, и забросать грязью имя, черезчуръ громкое.

У Некрасова, какъ у поэта въ высшей степени одареннаго и человека, достигшаго очень большихъ успехов, было, разумеется, много завистниковъ и враговъ. Они и при жизни его, и после смерти распускали про него самые дурные слухи, и теперь мудрено распознать,-- что выдуманно недоброжелателями Некрасова и въ чемъ есть доля правды.

Несомненно одно, что Николай Алексеевичъ любилъ славу и богатство и ради достиженія ихъ нередко поступалъ вопреки своимъ настоящимъ понятіямъ и прирожденнымъ склонностямъ. Онъ сходилъ съ людьми, не внушавшими ему сочувствія и расположенія, единственно потому, что считалъ ихъ полезными для себя. Ему не претило соглашаться, опять таки ради той или иной выгоды, съ мненіями, въ душе имъ неразделяемыми.

Конечно, эта расчетливая уступчивость и покладливость, эта погоня за известностью и богатствомъ, не взирая ни на что, должны быть поставлены въ упрекъ знаменитому писателю. Но тутъ чрезвычайно важно знать, какъ онъ самъ относился къ своимъ слабостямъ, осуждалъ

себя или оправдывалъ, мучила его совесть или внешній блескъ ослеплялъ и усыплялъ его душу?

На эти вопросы самъ Некрасовъ отвечаетъ въ некоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ. Онъ говоритъ о "годахъ гнетущихъ впечатленій", т. е. о годахъ своей невеселой юности, оставившихъ въ немъ "неизгладимый следъ". Въ мучительной борьбе прошла его молодость и "долгая буря" поселила въ душе его "привычки рабской тишины", иначе сказать, малодушной уступчивости и склонности ладить со всеми.

Сознаніе своей греховности, своихъ ошибокъ и заблужденій поэтъ излилъ въ лучшихъ строфахъ замечательнаго стихотворенія *Рыцарь на часъ*. Въ этомъ стихотвореніи онъ мысленно переносится въ родное село, где прошло его детство, где умерла и похоронена его обожаемая мать. И вотъ, онъ видитъ себя въ родномъ краю:

Въ стороне отъ большихъ городовъ,
Посреди безконечныхъ луговъ,
За селомъ, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне
И на белой церковной стене
Отражается крестъ одинокій.
Да! я вижу тебя, Божій домъ!
Вижу надписи вдоль по карнизу,
И апостола Павла съ мечемъ,
Облаченнаго въ светлую ризу.
Поднимается сторожъ старикъ
На свою колокольню - руину;
На тени онъ огромно - великъ:
Пополамъ пересекъ всю равнину.
Поднимись!-- и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
Въ тишине деревенскихъ ночей
Этихъ звуковъ властительно пенье:
Если есть въ околodge больной,
Онъ при нихъ вострепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудетъ на мигъ свои муки;
Одинокій ли путникъ ночной
Ихъ заслышитъ - бодрее шагаетъ;
Ихъ заботливый пахарь считаетъ
И, крестомъ осенясь въ полусне,
Просить Бога о вѣдренномъ дне.
Звукъ за звукомъ, гудя, прокатился,
Насчиталъ я двенадцать часовъ.
Съ колокольни старикъ возвратился,
Слышу шумъ его звонкихъ шаговъ,
Вижу тень его; селъ на ступени,
Дремлетъ, голову свесивъ въ колени.
Онъ въ мохнатую шапку одетъ,
Въ балахоне убогомъ и темномъ...
Все, чего не видалъ столько летъ,
Отъ чего я пространствомъ огромнымъ
Отделенъ - все живетъ предо мной,
Все такъ ярко рисуется взору,
Что не верится мне въ эту пору,
Что-бъ не могъ я увидеть и той,
Чья душа здесь незримо витаетъ,
Кто подъ этимъ крестомъ почиваетъ...
Повидайся со мною, родимая,

Появись легкой тенью на мигъ!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ...
Неужели за годы страданія,
Тотъ, Кто столько тобою былъ чтимъ,
Не пошлетъ тебе радость свиданія
Съ погибающимъ сыномъ твоимъ?
Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебе мою песню последнюю,
Мою горькую песню спою.
О, прости! То не песнь утешенія,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну и ради спасенія
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаянія,
Что-бы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія
Все позорныя пятна мои.
Чтобы силу свободную, гордую,
Что въ мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою
И на правый наставила путь
Да, я вижу тебя, бледнолицую,
И на судъ твой себя отдаю.....
Мне не страшны друзей сожаленія,
Не обидно враговъ торжество,--
Изреки только слово прощенія,
Ты, чистейшей любви божество!
Что враги? Пусть клеветуютъ язвительней,
Я пощады у нихъ не прошу:
Не придумать имъ казни мучительней
Той, которую въ сердце ношу!
Что друзья? Наши силы неровныя:
Я ни въ чемъ середины не зналъ,
Что обходятъ они, хладнокровныя,
Я на все безразсудно дерзаль;
Я не думаль, что молодость шумная.
Что кипучая сила пройдетъ
И влекла меня жажда безумная.
Жажда жизни - впередъ, и впередъ!
Увлекаемъ безславною битвою,
Сколько разъ я надъ бездной стояль,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падалъ - и вовсе упаль!
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я въ тину нечистую
Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей...

Это настоящая исповедь измученной, страдающей души человека, который сознает, что онъ самъ виновникъ своихъ мученій и. страданій. Его не страшатъ сожаленія друзей и не обижаетъ торжество враговъ. Онъ даже, какъ будто, находитъ себе оправданіе передъ ними, потому что былъ смелее ихъ, потому что молодая сила жизни кипела въ немъ могучимъ клонемъ, но эти оправданія - не извиненіе. Онъ знаетъ, что давно сбился съ праваго пути, давно утратилъ твердую волю, погрузился въ тину "мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей". Онъ палъ низко, можетъ быть безвозвратно? Нетъ, не безвозвратно, потому что въ его душе живетъ яркое сознаніе греха, потому что онъ не разучился каяться, потому что онъ ищетъ помощи не въ чемъ либо внешнемъ, суетномъ, а въ святой молитве матери.

Это порывъ высокій, вдохновенный, свидетельствующій о томъ, что если поэтъ и зарывалъ порученный ему талантъ, то все же не зарылъ его окончательно.

Здесь нужно сказать, что вообще чувство къ матери внушало Некрасову глубокия и величавыя настроенія. Оно же поддерживало въ немъ внутреннюю религіозность, которую онъ малодушно скрывалъ отъ иныхъ своихъ друзей - и которая все-таки прорывалась въ его стихахъ съ замечательною силою. Лучшимъ доказательствомъ этому является стихотвореніе *Тишина*, рисующее, вместе съ религіозностью Некрасова, и его искреннюю любовь къ родине.

Все рождь кругомъ, какъ степь живая,
Ни замковъ, ни морей, ни горь...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующій просторъ!
За дальнимъ Средиземнымъ моремъ,
Подъ небомъ ярче твоего,
Искалъ я примиренья съ горемъ
И не нашель я ничего!....
И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою,
И въ умиленьи посылаю
Всему приветь... Я узнаю
Суровость рекъ, всегда готовыхъ
Съ грозою выдержать войну,
И ровный шумъ лесовъ сосновыхъ,
И деревенекъ тишину,
И нивъ широкіе размеры...
Храмъ Божій на горе мелькнулъ
И детски чистымъ чувствомъ веры
Внезапно на душу пахнулъ.
Нетъ отрицанья, нетъ сомненья,
И шепчетъ голосъ неземной:
"Лови минуту умиленья,
Войди съ открытою душой!
Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправитъ наше горе,
Размыкать русскую печаль!....
Войди! Христось наложить руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совести больной"...
Я внялъ... я детски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ,
Что-бы простилъ, что-бъ заступился,
Что-бъ осенилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколеній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

Какъ въ стихотвореніи *Рыцарь на часъ*, где поэтъ обращается къ матери, открываетъ передъ нею изболевшую душу и молить о помощи, такъ и въ приведенныхъ строфахъ вы слышите громкій и искренній голосъ человека, ищущаго отрады и успокоенія тамъ, где ихъ ищутъ все простыя, безхитростныя сердца. Здесь въ Некрасове необыкновенно ясно сказался русскій человекъ и мы должны это хорошенько запомнить, потому что тогда намъ будутъ вполне понятны и близки его стихотворенія, въ которыхъ онъ изображаетъ дорогія каждому изъ насъ картины русской природы и жизни, озаряя ихъ светомъ любви къ родной стороне и теплымъ, истинно христіанскимъ чувствомъ.

Именно въ этихъ стихотвореніяхъ и заключается да сторона дарованія Некрасова, которая даетъ ему право на названіе русскаго народнаго поэта.

III.

Некрасовъ горячо любилъ русскую природу, заключающую въ своемъ кажущемся однообразіи необыкновенную прелесть и красоту.

... Родной, любимый видъ!
Тамъ зелень ярче изумруда,
Нежнее шелковыхъ ковровъ
И какъ серебряныя блюда
На ровной скатерти луговъ
Стоять озера!.. ночью темной
Мы миновали лугъ поемный
И вотъ ужъ едемъ целый день
Между зелеными стенами
Густыхъ березъ. Люблю ихъ тень
И путь усыпанный листвами!
Здѣсь бѣгъ коня неслышно тихъ,
Легко въ ихъ сырости пріятной,
И веетъ на душу отъ нихъ
Какой-то глушью благодатной.
Скорей туда - въ родную глушь!..

Поэтъ одухотворяетъ изображаемая имъ картины природы чувствомъ человека, отчего оне становятся еще краше и производятъ еще более сильное впечатленіе.

Вотъ среди опустелыхъ полей, позднюю осенью, тянется несжатая полоска. "Грустную думу наводитъ она" -

Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
"Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу,
"Скучно склоняться до самой земли,
"Тучныя зерна купая въ пыли!
"Насъ, что ни ночь, раззоряютъ станицы
"Всякой пролетной прозорливой птицы,
"Заяць насъ топчетъ и буря насъ бьетъ...
"Где же нашъ пахарь? Чего еще ждетъ?
"Или мы хуже другихъ уродились?
"Или, не дружно цвели - колосились?
"Неть, мы не хуже другихъ - и давно
"Въ насъ налилось и созрело зерно.
"Не для того-же пахаль онъ и сеяль,
"Что-бы насъ ветеръ холодный развеяль? "

Конечно, это не колосья шепчутъ, это проносятся въ голове человека думы при виде несжатой полосы, оставленной щ" добычу осенней буре, прозорливой птице, торопливому зайцу. И слышится въ уныломъ свисте ветра печальный отвѣтъ:

Вашему пахарю моченьки неть.
Зналъ для чего и пахаль онъ, и сеяль,
Да, не по силамъ работу затеяль,
Плохо бедняге - не есть и не пьеть,
Червь ему сердце больное сосеть,
Руки, что вывели, борозды эти,
Высохли въ щепку, повисли, какъ плети,
Очи потускли и голосъ пропаль,
Что, о заунывную песню певаль,

Какъ, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шель полосую.

Такимъ же грустнымъ настроеніемъ, хотя и переданнымъ иначе, проникнута картина рубки леса. Жалко леса,! Сколько тутъ было кудрявыхъ березъ...

Тамъ изъ-за старой, нахмуренной ели
Красные гроздья калины глядели,
Тамъ, поднимался дубокъ молодой.
Птицы царили въ вершине лесной,
По низу всякіе звери таились...
Вдругъ, мужики съ топорами явились -
Лесь зазвенелъ, застоналъ, затрещалъ.
Заяць послушалъ - и вонъ побежалъ..
Въ темную нору забила лисица,
Машеть крыломъ осторожнее птица,
Въ недоуменьи тащатъ муравьи
Что ни попало, въ жилища свои,
Съ песнями трудъ человека спорился:
Словно подкошень, осинникъ валился,
Съ трескомъ ломали сухой березнякъ,
Корчили съ корнемъ упорный дубнякъ,
Старую сосну сперва подрубали,
После арканомъ ее нагибали
И, поваливши, плясали на ней,
Что-бы къ земле прилегла поплотней.
Такъ, победивъ после долгаго боя,
Врагъ уже мертваго топчетъ героя.
Много тутъ было печальныхъ картинъ:
Стономъ стонали верхушки осинь,
Изъ перерубленной старой березы
Градомъ лилися прощальныя слезы
И пропадали одна за другой
Данью последней на почве родной.
Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо светила ночныя,
И надъ поверженнымъ лесомъ луна
Остановилась, кругла и ясна.

.....
Тени ходили по пнямъ беловатымъ,
Жидкимъ, осинамъ, березамъ косматымъ,
Низко летали, вились колесомъ
Совы, шарахаясь о земь крыломъ;
Звонко кукушка вдали куковала,
Да, какъ безумная, галка кричала,
Низко летая надъ лесомъ... но ей
Не отыскать неразумныхъ детей!

Все подробности этой замечательной картины точны и жизненны. Лесь не представляется здесь сплошною, какъ-бы безличною, массою деревьевъ. Нетъ, здесь вы легко различаете особенности каждаго дерева, подобно тому, какъ одинъ человекъ отличается отъ другого. Люди и живутъ неодинаково, и умираютъ каждый по своему: тотъ мужественно и спокойно, другой съ жалобами и стонами, третій какъ снопъ валится подъ ударомъ страшной косы смерти. Такъ-же умираютъ и деревья. Съ трескомъ ломится сухой березнякъ, трудно, медленно поддается ударамъ упрямый дубъ, сопротивляется топору дровосека старая сосна.

Поэтъ, сжившійся съ природою и научившійся понимать все ея голоса, такъ передаетъ картину леса, гибнущаго подъ звонъ топора, что мы уже перестаемъ видеть въ дереве неодушевленный предметъ, и смятеніе, испытываемое дружной семьею осинь, березокъ и

елей невольно сообщается намъ. А какъ становится понятенъ этотъ переполохъ птицъ, лишенныхъ любимаго приюта, растерявшихъ птенцовъ, изгнанныхъ изъ насиженныхъ гнѣздъ!..

А вотъ и богатырь русскій - мощный дедъ морозъ. Величаво и грозно его появленіе:

Не ветеръ бушуетъ надъ боромъ,
Не съ горъ побежали ручьи,
Морозъ-воевода дозоромъ
Обходить владенья свои.
Глядитъ, хорошо-ли метели
Лесныя тропы занесли,
И нетъ-ли где трещины, щели,
И нетъ-ли где голой земли?
Пушисты-ли сосенъ вершины,
Красивъ-ли узоръ на дубахъ?
И крепко-ли скованы льдины
Въ великихъ и малыхъ водахъ?
Идетъ - по деревьямъ шагаетъ
Трещить по замерзлой воде
И яркое солнце играетъ
Въ косматой его бороде.

Идетъ морозъ:

И самъ про себя удалую,
Хвастливую песню поетъ:
"Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда;
Пойду на моря-окияны,
Построю дворцы изо льда.
Задумаю - реки большія
Надолго упрячу поде гнетъ,
Построю мосты ледяные,
Какихъ не построить народъ.
Где быстрыя, шумныя воды,
Недавно, свободно текли -
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы съ товаромъ прошли...
Богатъ я, казны не считаю,
А все не скудеетъ добро;
Я царство мое убираю
Въ алмазы, жемчугъ, серебро".

Убирая свое царство "въ алмазы, жемчугъ, серебро", морозъ-воевода населяетъ его такую тишиною, которая неотразимо действуетъ на сердце человека. И особенно властна, особенно упоительна эта тишина въ лесу.

Нетъ глубже, нетъ слаще покоя,
Какой посылаетъ намъ лесъ,
Недвижно, безтрепетно стоя
Подъ холодомъ зимнихъ небесъ,
Нигде такъ глубоко, и вольно
Не дышетъ усталая грудь,
И ежели жить намъ довольно,
Намъ слаще нигде не уснуть!
Ни звука! Душа умираетъ
Для жизни и страсти. Стоишь
И чувствуешь, какъ поглощаетъ
Ее эта мертвая тишь.

Ни звука! И видишь ты синій
Сводъ неба, да солнце, да лесъ,
Въ серебряный матовый иней
Наряженный, полный чудесъ,
Влекущій неведомой тайной,
Глубоко безстрастный...

Тишина и холодный серебряный блескъ зимней природы навеваешь безстрастіе и, леденя въ жилахъ кровь; леденить въ сердце чувство. Не то весна! Прилетитъ она - вся ласка, вся нега и упованіе, и самая лютая тоска, какъ снегъ, таетъ подъ ея животворными лучами.

Некрасовъ превосходно изобразилъ эту волшебную власть весны въ стихотвореніи *Зеленый шумъ*.

Идетъ-гудѣтъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ!
Играючи, расходится
Вдругъ ветеръ верховой:
Качнетъ кусты ольховые,
Подниметъ пыль: цветочную,
Какъ облако. Все зелено -
И воздухъ, и вода.

Идетъ весна, пробуждается природа, спадаетъ съ сердца мука. Былъ человекъ кровно оскорбленъ, оскорбленъ любимую женою, убить хотѣлъ изменницу - хоть и была она всегда кротка и безответна, даже ножъ припасъ, но -

Идетъ-гудѣтъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ!

Какъ молокомъ облитые
Стоять сады вишневые,
Тихохонько шумятъ;
Пригреты теплымъ солнышкомъ,
Шумятъ новеселелые
Сосновые леса,
А рядомъ новой зеленью
Лепечутъ песню новую
И липа бледнолистая,
И белая березонька...
Шумить тростинка малая,
Шумить высокій клень...
Шумятъ они по новому,
По новому, весеннему...

Идетъ-гудѣтъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ!

Слабеетъ дума лютая,
Ножъ валится изъ рукъ,
И все мне песня слышится
Одна - въ лесу, въ лугу:
"Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И - Богъ тебе судья!"

Въ стихотвореніи *Зеленый Шумъ* сказалась не только замечательная чуткость Некрасова къ явленіямъ природы, но и его пониманіе душевнаго склада русскаго человека. Верующій русскій человекъ таитъ въ своемъ сердце много прекрасныхъ, возвышенныхъ чувствъ. Оттого теплая, нежная ласка природы, весенній шумъ леса, благоуханіе первыхъ цветовъ такъ сильно действуютъ на его душу и легко открываютъ ее для любви, терпенія, прощенія.

Впадая въ грехъ, живя во грехе долгіе годы, русскій человекъ все-таки сохраняетъ въ себе способность каяться и, при Божьей помощи, нередко совсемъ перерождается духовно. Эту глубоко - своеобразную особенность русскаго человека Некрасовъ, какъ настоящій русскій поэтъ, прекрасно передалъ въ стихотвореніи *Власъ*.

Власъ былъ богатый, но не добромъ разбогатевшій мужикъ. Жилъ онъ великимъ грешникомъ, побоями вогналъ во гробъ жену, укрывалъ конокрадовъ и разбойниковъ, всячески притеснялъ и обижалъ бедныхъ односельчанъ:

Бралъ съ родного, бралъ съ убогаго,
Слылъ кощею-мужикомъ;
Нрава былъ крутого, строгаго...
Наконецъ и грянулъ громъ.
Власу худо; кличетъ знахаря -
Да поможешь-ли тому,
Кто снималъ рубашку съ пахаря,
Кралъ у нищаго суму?
Только пуще все неможется,
Годъ прошелъ - а Власъ лежитъ...
И построить церковь божится,
Если смерти избежать.
Говорять, ему виденіе
Все мерещилось въ бреду:
Виделъ света преставленіе,
Виделъ грешниковъ въ аду:
Мучать бесы ихъ проворные,
Жалить ведьма-егоза,
Ефіопы - видомъ черные
И какъ уголья глаза -
Крокодилы, зміи, скорпіи
Припекають, режутъ, жгутъ...
Воютъ грешники въ прискорбіи,
Цепи ржавыя грызутъ.
Громъ глушитъ ихъ вечнымъ грохотомъ,
Удушаетъ лютой смрадъ,
И кружить надъ ними съ хохотомъ
Черный тигръ - шестикрылатъ.
Те на длинный шесть нанизаны,
Те горячій лижутъ полъ...
Тамъ на хартіяхъ написаны,
Власъ грехи свои прочелъ...
Власъ увиделъ тьму кромешную
И последній далъ обетъ...
Внялъ Господь - и душу грешную
Воротилъ на вольный светъ.
Роздалъ Власъ свое именіе,
Самъ остался босъ и голъ,
И собирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ.
Съ той поры мужикъ скитается
Вотъ ужъ скоро тридцать летъ,
Подаяніемъ питается -
Строго держитъ свой обетъ.

Сила вся души великая
Въ дело Божіе ушла:
Словно съ роду жадность дикая,
Непричастна ей была...
Полонъ скорбью неутешною,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходить онъ стопой неспешною
По селеніямъ, городамъ.
Неть ему пути далекаго:
Быль у матушки Москвы,
И у Каспія широкаго,
И у царственной Невы.
Ходить съ образомъ и книгою,
Самъ съ собою говорить
И железною веригою
Тихо на ходу звенить.
Ходить въ зимушку студеную,
Ходить въ летніе жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары.
И даютъ, даютъ прохожіе...
Такъ изъ лепты трудовой
Вырастаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной.

Скорбь о грѣхахъ и покаяніе Власа близки и понятны русскому сердцу. Да, Власъ былъ великимъ грѣшникомъ, но онъ созналъ свою грѣховность, покался передъ Богомъ, наложилъ на себя послушаніе и свято выполняетъ его.

Сколько такихъ Власовъ и теперь странствуютъ по широкой Руси, изъ одного ея конца въ другой. Можетъ быть среди нихъ неть великихъ грѣшниковъ, подобныхъ Некрасовскому Власу и несутъ они не такое строгое послушаніе, какое наложилъ на себя Власъ, но эти люди делаютъ хорошее, доброе дело "Вызывая Русь крещеную на посильные дары". Много ихъ стараніями воздвиглось сельскихъ храмовъ, Богъ дастъ, еще больше воздвигнется въ будущемъ. Некрасовъ прекрасно понималъ это и выразилъ въ заключительныхъ строкахъ стихотворенія:

И даютъ, даютъ прохожіе...
Такъ изъ лепты трудовой
Вырастаютъ храма Божіи
По лицу земли родной.

Религіозность русскаго народа всегда производила на Некрасова умиляющее впечатленіе, и онъ не разъ передавалъ его въ прочувствованныхъ словахъ. Одно изъ лучшихъ стихотвореній Николая Алексеевича, посвященное русскимъ детямъ, заслуживаетъ въ этомъ смысле особаго вниманія. Поэтъ ехалъ къ Ростову высокимъ холмомъ -

Лесокъ малорослый
Тянулся на немъ:
Береза, осина,
Да ель, да сосна,
А слева - долина,
Какъ скатерть ровна.
Пестрель деревнями,
Дорогами долъ,
Онъ все понижался
И къ озеру шель.
Ни озера, дети,
Забуть не могу,
Ни церкви на самомъ

Ея берегу.
Туть чудо картину
Я видель тогда!
Ее вспоминаю
Охотно всегда...
Начну по порядку.
Я ехаль весной
Въ страстную субботу
Предъ самой святой.
Домой поспешая
Съ тяжелыхъ работъ,
Съ утра намъ встречался
Рабочій народъ.
Я добраго всемъ имъ
Желаю пути;
Въ родныя деревни
Скорее придти,
Омыть съ себя копотъ
И потъ трудовой
И встретить Святую
Съ веселой душой.
Стемнело. Болтая
Съ своимъ ямщикомъ
Я ехаль все темъ же
Высокимъ холмомъ,
Взглянулъ на долину,
Что къ озеру шла,
И вижу - долина
Моя ожила:
На каждой тропинке,
Ведущей къ селу,
Толпы появились;
Вечернюю мглу
Огни озарили:
Куда-то идетъ
Съ пучками горящей
Соломы народъ.
Куда? Я подумать
Еще не успель,
Какъ колоколь громко
Ответъ прогудель!
У озера ярко
Горели костры,--
Туда направлялись
Нарядны, пестры,
При свете горящей
Соломы, толпы...
У Божьяго храма
Сходились тропы,
Народная масса
Сдвигалась, росла...
Чудесная, дети,
Картина была!..

Народъ, живущій въ такой любви къ Богу, ищущій у Него утешенія и поддержки и всей душою радующійся въ Его великіе и светлые праздники, конечно, и въ обыденной своей жизни не можетъ не проявлять добраго, христіанскаго чувства,-- къ кому бы оно ни относилось,-- къ зверю, къ птице, даже къ насекомому.

Некрасовъ такъ именно и смотритъ на родной народъ. Трогательнень и правдивъ его разсказъ о томъ, какъ крестьяне выручили изъ беды пчелокъ. Разлилась весною вода, все затопило, на суше уцелели только селенья, да огороды съ ульями. "Пчелка,-- рассказываетъ крестьянинъ своему ребенку,-- осталась водой окруженная,

Видитъ и лесъ, и луга вдалеке,
Ну - и летитъ, ничего, на легке,
А какъ назадъ полетитъ, нагруженная,
Силь не хватаетъ у милой. - Беда!
Пчелами вся запестрела вода.
Тонуть работницы, тонуть, сердечныя!
Горю помочь мы не чаяли, грешные,
Не догадаться самимъ бы во векъ,
Да нанесло человека хорошаго,
Подъ Благовещенье, помнишь прохожаго?
Онъ надоумилъ, Христовъ человекъ!
Слушай сынокъ, какъ мы пчелокъ избавили.
Я при прохожемъ тужиль-тосковалъ;
"Вы бы имъ до суши вежи поставили",
Это онъ слово сказалъ!
Веришь, чуть первую вежу зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,
Поняли пчелки сноровку мудреную:
Такъ и валять, и валять отдыхать!
Какъ богомолки у церкви на лавочке,
Сели - сидятъ. На бугре-то ни травочки,
Ну, а въ лесу и въ поляхъ благодать:
Пчелкамъ не страшно туда залетать!
Все отъ единого слова хорошаго!

Такъ по совету, умнаго прохожаго выручили крестьяне пчелокъ изъ беды, сохранили ихъ жизнь и сохранили себе работницъ. Сколько здесь пониманія нрава "Божьей твари" и какимъ светлымъ, теплымъ чувствомъ проникнуть разсказъ.

Но не съ одними пчелками случается беда. Случилась однажды беда и съ соловьями. Тутъ ужъ кругомъ былъ виноватъ человекъ. Соловьи, какъ певчая птица, въ цене и крестьяне ихъ ловятъ въ большомъ количестве. Около одной деревни стояла роща, куда очень любили залетать соловушки. Но такъ какъ имъ постоянно ставили въ этой роще сети, то они, въ конце концовъ, начали пролетать мимо и садиться въ другихъ местахъ. Пришла весна, крестьяне ждутъ, что вотъ раздадутся чудныя соловьиныя песни, а роща молчитъ, какъ немая.

Ужь вотъ и праздникъ наступилъ
И на поляне погуляли,
Да праздникъ имъ не въ праздникъ былъ!
Крестьяне бороды чесали
И положили межъ собой -
Умель же Богъ на умъ наставить!--
На той поляне, въ роще той
Сетей, силковъ во векъ не ставить.
И понемногу соловьи
Опять привыкли къ роще нашей
И нынче, милые мои,
Имъ места нетъ любей и краше!
Туда съ сетями много летъ
Никто и близко не подходитъ
И строго на строго заветъ
Отъ сына къ внуку переходить.
За то весною лесъ гремитъ!
Что день, то новый хоръ прибудеть...

Подъ песни ихъ деревня спить,
Ихъ песня насъ поутру будить.

После этихъ стихотворений мы перейдемъ къ "Крестьянскимъ детямъ", где Некрасовъ рисуеъ деревенскую детвору, резвящуюся и бегающую на воле, и въ то же время помогающую роднымъ въ ихъ работе.

Любопытны и любознательны деревенскіе, ребятишки, все ихъ занимаетъ, все имъ рассмотреть надо, все имъ покажи!

Проходить черезъ деревню разный рабочій людъ - лудильщики, портные, столяры, плотники. Ребятишки обступяъ ихъ гурьбою, начнутъ рассказы, разспросы.

Рабочій разставить, разложить снаряды -
Рубанки, подпилки, долота, ножи,
"Гляди чертенята!" а дети и рады:
Какъ пилишь, какъ лудишь - имъ все покажи!
Прохожій заснетъ подъ свои прибаутки,
Ребята за дело - пилить и строгать!
Иступяъ пилу - не наточишь и въ сутки!
Сломають буравъ - и съ испугу бежать.
Случалось, такъ целые дни пролетали:
Что новый прохожій, то новый рассказъ.
Ухъ, жарко!.. До полдня грибы собирали:
Вотъ изъ лесу вышли - на встречу какъ разъ
Синеющей лентой, извилистой, длинной
Река луговая: прыгнули гурьбой
И русыхъ головокъ надъ речкой пустынной,
Что белыхъ грибовъ на поляне лесной!
Река огласилась и смехомъ, и воемъ -
Туть драка - не драка, игра - не игра...
А солнце палить ихъ полуденнымъ зноемъ.
Домой, ребятишки! обедать пора!
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказовъ! Попался косою,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... У, страшный какой!....
Грибная пора отойти не успела -
Гляди, ужъ чернехоньки губы у всехъ,
Набили оскому - черника поспела!
А тамъ и малина, брусника, орехъ!
Ребяческій крикъ, повторяемый эхомъ,
Съ утра и до ночи гремитъ по лесамъ.
Испугана пеньемъ, ауканьемъ, смехомъ
Взлетить ли тетеря, закокавъ птенцамъ,
Зайченокъ-ли вскочить - содомъ, суматоха!
Вотъ старый глухаръ съ облялялымъ крыломъ
Въ кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого въ деревню тащатъ съ торжествомъ.

Однако, довольно гулять, пора приниматься и за работу. Но и самый трудъ поворачивается къ ребенку своею нарядной, привлекательною стороною. Ребенокъ видитъ, какъ поле отецъ удобряетъ.

Какъ въ рыхлую землю бросаетъ зерно,
Какъ поле затемъ зеленеть начинаетъ,
Какъ колосъ растеть, налиываетъ зерно;
Готовую жатву подрежутъ серпами,
Въ снопы перевяжутъ, на ригу сvezутъ,

На мельнице смелютъ и хлебъ испекуть.
Отведаетъ свежаго хлеба ребенокъ
И въ поле охотней бежитъ за отцомъ.

Ребенокъ съ охотой и удовольствіемъ начинаетъ трудиться, помогая матери и отцу. Сознаніе, что онъ въ семье не дармоедъ и самъ работаетъ по мере силъ, внушаетъ ему даже некотораго рода гордость. Иной разъ эти маленькіе работники не прочь и поважничать.

Однажды,-- рассказываетъ поэтъ,--

въ студенную зимнюю пору
Я изъ лесу вышелъ; былъ, сильный морозъ.
Гляжу, поднимается медленно въ гору
Лошадка, везущая хворосту возъ.
И шествуя важно, въ спокойствіи чинномъ,
Лошадку ведетъ подъ узцы мужичекъ.
Въ большихъ сапогахъ, въ полушубке овчинномъ,
Въ большихъ рукавицахъ, а самъ съ ноготокъ!
- Здорово, парнище!-- "Ступай себе мимо! "
- Ужь больно ты грозень, какъ я погляжу!
Откуда дровишки?-- "Изъ лесу, вестимо,
Отецъ, слышишь, рубить, а я отвожу".
(Въ лесу раздавался топоръ дровосека).
- А что, у отца-то большая семья?
- "Семья-то большая, да два человека
Всего мужиковъ-то: отецъ мой, да я".
- Такъ вотъ оно что! А какъ звать тебя?-- "Власомъ".
- А кой тебе годикъ?-- "Седьмой миноваль".
Ну, мертвая! крикнулъ малюточка басомъ,
Рвануль подъ узцы и быстрее зашагалъ.

Мирное, светлое детство деревенскаго ребенка, протекающее на вольномъ воздухе, среди приволья луговъ и лесовъ, подготавливаетъ человека къ труду и облегчаетъ ему трудъ своими отрадными воспоминаніями и впечатленіями. Обращаясь къ крестьянскимъ детямъ, Некрасовъ говорить:

Играйте же, дети, растите на воле!
На то вамъ и красное детство дано,
Что-бъ вечно любить это скудное поле,
Что-бъ вечно вамъ милымъ казалось оно.
Любите свое вековое наследство,
Любите свой хлебъ трудовой,
И пусть обаянье поэзіи детства,
Проводитъ васъ въ недра землицы родной!..

Прекрасный заветъ! Трудъ крестьянина упоренъ и тяжелъ, но ведь и вообще всякій трудъ тяжелъ. Каждый трудится какъ можетъ и какъ умеетъ. Взрослому человеку мало приходится думать о забавахъ и удовольствіяхъ - онъ долженъ выполнять свой долгъ передъ Богомъ и ближними. Чемъ больше запасетъ онъ силъ въ детстве, темъ легче ему справляться, а детство, протекающее въ деревне, вдали отъ шумныхъ городовъ съ ихъ теснотою и духотою, конечно, наиболее счастливое детство'. Поэзія его,-- т. е. радостная, светлая и возвышенная впечатленія, которыя оно даетъ, на многіе годы вливаетъ въ душу человека твердость и бодрость. И нельзя пожелать ближнему ничего лучшаго, какъ сохранить эту бодрость и твердость до конца жизни.

Отсюда понятно, съ какимъ умнымъ и сердечнымъ пожеланіемъ обращается Николай Алексеевичъ къ крестьянскимъ детямъ.

Мы привели, конечно, далеко не все стихотворения Некрасова, заслуживающія вниманія, темъ болѣе, что многія изъ нихъ неудобны для нашего чтенія и по своимъ размерамъ. Но изъ приведенныхъ нами отрывковъ и образцовъ видно, что Николай Алексеевичъ во-первыхъ обладалъ крупнымъ дарованіемъ поэта и, во-вторыхъ, таилъ въ своей душѣ чувства, обличающія въ немъ истинно русскаго человека. Если бы онъ всегда слушался голоса души, всегда следовалъ простымъ и искреннимъ побужденіямъ сердца, онъ создалъ бы гораздо больше совершенныхъ произведеній. Но его привлекали известность, богатство, успехъ. Онъ мало задумывался надъ темъ, кому угождаетъ и, стремясь угождать, пересиливалъ себя, ломалъ въ духовномъ отношеніи. Такое уже печальное положеніе было въ то время, когда действовалъ Некрасовъ. Много являлось людей, мнившихъ о себѣ Богъ знаетъ что, старавшихся повернуть все по своему, все забрать въ свои руки. Некрасовъ зналъ, что эти люди могутъ повредить ему, и стремился ладить съ ними во. чтобы то ни стало. Но дорогою ценою пришлось ему купить этотъ "худой миръ" - ценою искаженія собственнаго, весьма яркаго дарованія.

Некрасовъ скончался, какъ мы сказали, въ 1877 году 56 лѣтъ отъ роду, после долгой и очень мучительной болѣзни. Отрывки изъ его дневника, который онъ велъ во время болѣзни, даютъ понятіе о страданіяхъ, пережитыхъ поэтомъ. Однако, онъ продолжалъ писать, и среди этихъ предсмертныхъ стихотвореній есть одно, замечательное по красоте и вдохновенности. Оно называется *Сонъ*.

Мне снилось, на утесе стоя
Я въ море броситься хотѣлъ,
Вдругъ ангель света и покоя
Мне песню чудную запелъ:
"Дождись весны! приду я рано,
Скажу: будь снова человекъ,
Сниму съ главы покровъ тумана
И сонъ съ отяжелѣлыхъ вѣкъ;
И музе возвращу я голосъ,
И вновь блаженные часы
Ты обретешь, собирая колосъ
Съ твоей несжатой полосы".

Но дождаться весны поэту было не суждено, и не суждено было музе вернуть голосъ, то есть прежнюю способность слагать песни.

Похороны Некрасова были пышныя. Множество народа присутствовало на нихъ и много было возложено венковъ на его могилу въ Новодевичьемъ монастыре. Все это свидѣтельствовало, что известность, которой онъ такъ жаждалъ и ради которой часто приносилъ ненужныя, тяжелыя жертвы, далась ему вполне...

Познакомивъ слушателей съ теми стихотвореніями нашего поэта, въ которыхъ особенно ярко выразилось его дарованіе и которыя проникнуты искреннимъ чувствомъ религіозности, любви къ родной странѣ, ея жизни и природѣ, мы должны однако сказать, что въ изданіи сочиненій Некрасова встречается также достаточное количество произведеній совсемъ иного рода, написанныхъ имъ на модныя въ его время вопросы. Эти произведенія прежде многимъ нравились; но они имели значеніе временное и теперь ими редко кто увлекается. Въ большинствѣ случаевъ они непрятно поражаютъ своею деланностью, прозаичностью, отсутствіемъ истиннаго вдохновенія и художественной красоты. Часто кажется, будто это писалъ не авторъ высокоталантливыхъ, прелестныхъ по своей искренности и глубинѣ строфъ, съ которыми мы познакомились, а совсемъ иной человекъ, съ иной душою, чувствами и мыслями.

Еслибы Некрасовъ оставилъ после себя только такія стихотворенія, пришлось бы сказать, что онъ зарылъ въ землю данный ему Богомъ талантъ, и память о немъ скоро исчезла бы после его смерти. Но къ счастью Николай Алексеевичъ не всегда былъ, по его же выраженію, "увлекаемъ безславною битвою". Изливая порою въ звучныхъ песняхъ затаенныя на дне души добрыя и возвышенныя чувства, онъ создалъ рядъ прекрасныхъ произведеній,-- и эти

произведенія даютъ ему право на нашу любовь и признательность. Ими онъ действительно сеялъ "разумное, доброе, вечное", и они на многіе годы сохраняютъ имя Николая Алексеевича Некрасова въ ряду известныхъ и дорогихъ русскому сердцу именъ.